

## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**И. П. Медведев. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976, 256 с.**

Написание рецензируемой монографии представляло особые трудности из-за спорности понятий «Ренессанс» и «гуманизм», которые могут быть применены к разным народам и в разные времена. Взяв за основу (для сравнения) итальянский гуманизм, автор прослеживает все течения византийской мысли, находя в них — при сопоставлении с итальянским образцом — достаточно предметного сходства, даже тождества в направлениях мысли, а затем отмечая существенные отличия, особую специфику «византийского гуманизма». Автор приходит к выводу об отсутствии единства итальянского и византийского гуманизма, поскольку деятельность византийских гуманистов базировалась на совершенно иной основе и они не могли способствовать созданию «нового общества,» как итальянские гуманисты. Во введении И. П. Медведев ограничивает свою тему хронологически и персонально он начинает с Метохита и кончает Плифоном и его учениками. Ряд концепций о более раннем начале гуманизма в Византии, особенно концепция П. Лемерля об этапном развитии со времен Фотия, не подходят под определение, данное автором во введении.

И. П. Медведев оперирует колоссальным фактическим материалом. Первая глава воссоздает картину интеллектуальной деятельности византийских гуманистов на фоне той тяжелой исторической ситуации, в которой очутилась Византия в XIV—XV вв. Автор считает, что, как и в Италии, в Византии существовали особые кружки, объединившие лиц, серьезно занимавшихся изучением философии, точных и других наук. Это были неофициальные научные общества, обычно называемые «театром», где обсуждали и распространяли свои произведения византийские интеллигенты. Автор (в отличие от Х. Хунгера) подчеркивает значительную роль представителей сановной знати в формировании гуманистической культуры, несмотря на то, что большинство интеллектуалов считало себя *πένυτες* и не принадлежало к богатым собственникам. И. П. Медведев показывает, как вредоносно отозвалось на развитии гуманизма выступление исихазма, которое было направлено в сторону религиозной мистики, и как стала развиваться критика христианства, хотя и в виде возвращения к язычеству. Заслугой автора можно считать то, что он обратил особое внимание на судебное дело Ювеналия, которое показывало, как деятельность научных кружков могла содействовать появлению широкой политико-идеологической подпольной агитации.

Что же касается отношения гуманистов к религии, то парадоксальное сосуществование культуры светской с полным признанием церковных обрядов и догматов православия было естественным для Византии, где в ожесточенной борьбе победила религиозная партия «полного спокойствия» и «безмолвничества». В книге отмечается, что даже враг и организатор подпольной борьбы против христианства Плифон в глазах представителей власти и посторонних лиц представлялся ярким ортодоксально-православным деятелем. Причину гибели византийского гуманизма автор видит в победе исихастской реакции и турецкого нашествия, однако отмечает, что оставшиеся гуманисты бежали в Италию, где они «влились в ряды итальянских гуманистов». Что же касается философской основы византийского гуманизма, то И. П. Медведев присоединяется к положению о том, что в Византии не наблюдалось борьбы между материализ-

мом и идеализмом, что гуманизм был основан на платонизме, особенно у Плифона, который стал «духовным отцом итальянских платонических академий». Сам Плифон, как показано в третьей главе, стремился создать не только философскую теорию, но и основать новую религию с определенными обрядами и формами культа, и был резко настроен против атеизма. При этом отмечается, что религия Плифона не являлась реставрацией античной олимпийской религии, но содержала самостоятельное объяснение сущности богов. И. П. Медведев правильно критикует Плифона за полный отрыв его учения от воззрений масс и считает, что для изменения идеологии была нужна реформация церкви, а не переход в язычество (с. 87).

Говоря о месте человека в мировоззрении византийских гуманистов, И. П. Медведев считает, что «гуманистическая концепция человека — это идеал человека-гражданина (*homo civilis*), призванного играть активную роль в государстве». Но мы заметим: это — идея Аристотеля, рожденная в условиях античного полиса. В монографии приводятся положения Григоры, которые сужают такое понимание человека гуманистами, — образованный человек с самостоятельным мышлением (*eûpreats*), противник мистического понимания гуманизма Паламы. Что же касается Плифона, то он в гуманизме видит особое проявление добродетелей (в аристотелевском смысле), отвергая все разившиеся идеалы аскетизма в христианизированной этике поздней Византийской империи. Однако стремление к созерцательной жизни, по мнению автора, несколько сближало взгляды византийских гуманистов с идеалами монашества, тогда как именно Плифон выше всего ставил «фронесис». В основном идеал гуманизма в Византии, по наблюдениям автора, состоял в гармоническом развитии образованного человека, приспособлении его к жизни в обществе.

Говоря о философском мышлении в Византии, И. П. Медведев отмечает особое место в идеологии гуманистов вопроса о свободе воли и всеобщем детерминизме, что связывалось с христианским «предопределением» и античными «тихе», «ананке» и «эймармене». И. П. Медведев приводит взгляд Метохита о «пронойа» как неумолимой и непонятной «эймармене», которая как бы вмешивалась в деятельность людей. Плифон же, по мнению автора, выступал против положений Аристотеля о закономерности в развитии природы. Как идеалист, он основным в развитии жизни считал именно воздействие бога в идеалистическо-философском понимании божественной функции. Но если все детерминировано «богом», то возможна ли «свобода воли»? И. П. Медведев пишет, что Плифон сопоставлял понятия свободы и необходимости, причем подчеркивал, что необходимость — это не порабощение человека, а возможность жить и по-своему действовать на практике. Автор считает противоречивыми выводы Плифона о детерминизме и приходит к заключению, что византийский гуманизм вел, так сказать, к «активному фатализму», не мешающему деятельности.

И. П. Медведев аргументированно опровергает оценку деятельности Плифона, данную ему его современниками и восторженными почитателями. Он не согласен с теми, кто считает Плифона «первым эллином» и полагает, что именно благодаря Плифону сохранилась греческая народность; ведь Плифона не знали в широких массах и его учение не выходило за рамки узкого круга его сторонников. По мнению автора монографии, сохранению греческой народности способствовали не Плифон и его учение, «а как раз тот институт, который он так яростно отрицал, — православная церковь с ее обрядово-бытовым, религиозным по форме традиционализмом» (с. 127). Можно вполне согласиться с мнением И. П. Медведева о том, что в деятельности Плифона сохранилось понимание роли Византии как продолжателя Римской империи, что одновременно сочеталось и с его «греческим» патриотизмом. Как правильно отмечается в книге, греческий патриотизм Плифона не исключал признания «римского» характера Византии, а наоборот, способствовал восстановлению империи «Ромейской», а не греческой. Главное для Плифона, как отмечает автор, — правильное устройство правления, лучшей формой которого он признавал монархию, пользующуюся «советниками, притом из людей средней имущественной состоятельности» (с. 136). Что же касается демократии, то И. П. Медведев отмечает характерное для всех византийских гуманистов презрение к выступлениям народных масс (с. 131—133). Значение личности императора выдвигается у гуманистов на первый план как «симбиоз философии и власти» (с. 138). Идеи «ойкумены», как доказывается в монографии, право Византии на всемирную власть продолжали существовать вплоть до падения Кон-

стантинополя. Но в то же время неудачи порождали мысль о том, что Византии суждено погибнуть так же, как гибли и другие государства.

Что касается экономических взглядов византийских гуманистов, то они стремились найти выход из тяжелого состояния экономики страны: Кавасила выступал против ростовщичества, Метохит говорил о создании общественного богатства, Фома Магистр — о проведении финансовых реформ. Но главное внимание И. П. Медведев уделяет взглядам Плифона; он не считает их утопичными, но и не согласен с восторженными оценками современных греческих историков и Ф. Мазэ, которые возводили Плифона в разряд гениальных экономистов, творцов современной экономической науки; по мнению И. П. Медведева, это модернизация. Плифон делит общество на три класса в соответствии с тремя функциями: трудящиеся, собственники средств производства и те, кто осуществляет управление; как «вспомогательный класс» Плифон рассматривает ремесленников и торговцев, а трудящихся называет «пилотами», что (по Медведеву) свидетельствует об их зависимом положении. Отсюда и проекты финансовых реформ — переход на натуральные взносы, распределение национального дохода, треть которого оставляется трудящимся, треть — собственникам орудий, построек, треть — управителям. Плифон — противник предоставления средств монашеству. В основном тезисы Плифона были построены на идеях Платона и, как полагает автор монографии, имели с одной стороны, прогрессивное значение поисков новых возможностей для развития экономики; с другой стороны, платоновские идеи обрекали на провал теорию Плифона, поскольку игнорировали конкретные исторические условия Византии. Но для Запада теории Плифона явились «интеллектуальными предпосылками утопий» (с. 158).

В заключение, критически пересматривая различные концепции гуманизма, И. П. Медведев приходит к окончательному выводу, что основное различие между византийским и итальянским гуманизмом заключалось в том, что в Византии не зародилась буржуазная прослойка. Если в Италии гуманизм был идеологией раннебуржуазной культуры, то базисом для такого гуманизма чисто феодальная Византия быть не могла. Правда, византийские гуманисты стали поддерживать связи с Западом, экономика Запада была знакома Византии, поскольку экономически византийские города были как провинцией Венеции и Генуи. В результате победы церковной реакции, а затем турецкого завоевания византийский гуманизм не мог иметь дальнейшей истории.

Заслуга И. П. Медведева состоит в том, что, изучая византийский гуманизм, он в то же время дает возможность глубже понять и разобраться в сущности не только византийского, но и западного гуманизма. Он признает гуманизм многосложным и иногда противоречивым процессом зарождения новой идеологии, новых принципов мышления человека нового времени, участие в выработке которых принимали и представители Византии.

К монографии приложен перевод «Законов» Плифона (по изданию 1858 г.). Отметим одну неточность: на с. 187 перевод не дает верного понимания основ календаря Плифона, потому что в русском тексте «полный месяц» — лунный месяц — смешивается с лунным циклом (19 лет). В приложение включены также некоторые тексты неопубликованных сочинений на латинском и греческом языках, изданные по рукописям, хранящимся в архивах СССР и относящихся к теме монографии.

*М. Я. Сюзюмов*

**Г. Г. Литаврина. Византийское общество и государство в X—XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976—1081 гг. М., 1977, 312 с.**

Рецензируемая монография Г. Г. Литаврина является, как определяет сам автор, предварительным обобщением (с. 4) результатов изучения проблем византийского общества названного периода. Рассматриваемое столетие разбивается автором на два полустолетия: в течение первого, совпадающего с царствованием Василия II Болгаробойцы, Византия достигла вершины своего могущества, в течение второго — потеряла свою былую мощь (с. 4).

Задачу исследования автор видит в том, чтобы рассмотреть ряд кардинальных социально-экономических и политических проблем, трактовка которых в современ-